

ИННОВАЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Конференции по политическому моделированию: симуляция переговоров ЕС — ЕАЭС*

*Н. Н. Гудалов, Е. Ю. Трещенков, Д. А. Леви,
Т. С. Немчинова, М. Л. Лагутина*

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Гудалов Н. Н., Трещенков Е. Ю., Леви Д. А., Немчинова Т. С., Лагутина М. Л. Конференции по политическому моделированию: симуляция переговоров ЕС — ЕАЭС // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2019. Т. 12. Вып. 4. С. 518–530. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.408>

В статье рассматривается опыт моделирования (симуляции) торговых переговоров между Европейским союзом (ЕС) и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), проводимого при поддержке проекта Ж. Монне на базе Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). Проанализированы взгляды на сильные стороны и ограничения моделирования, существующие в научной литературе. Приведен опыт СПбГУ в области моделирования Организации Объединенных Наций и Европейского союза. Одной из важных отличительных черт симуляции ЕС — ЕАЭС стала высокая степень сложности в тематическом и институциональном планах. Задачей данной модели являлась выработка углубленного соглашения о свободной торговле, включающего не только торговлю товарами, но и связанные с ней вопросы, касающиеся движения услуг и капитала. Подробно обоснован подход организаторов к разработке правил модели. Изложен процесс подготовки конкретных игровых материалов. Детальный свод правил содержал рекомендации по подготовке участников и правилам поведения, описывал процедурные вопросы, роль моделируемых институтов, их взаимодействие в каждый из дней игры в соответствии с программой. Были также подготовлены описание задачи симуляции, программа игры и список полезной для участников литературы; проведены тренинги перед игрой. Далее в статье проанализирован ход симуляции с точки зрения состава участников, логистики, возникавших на переговорах проблем, успехов и неудач участников. Авторы сочли полезным завершить статью не традиционным заключением, а подробными методическими рекомендациями по организации и проведению моделей, которые основаны на опыте организаторов данной игры и учитывают имеющуюся мировую практику.

Ключевые слова: педагогика, деловая игра (симуляция), политическое игровое моделирование, переговорные навыки, модель ЕС — ЕАЭС.

* Статья подготовлена по результатам реализации гранта Ж. Монне (проект) № 2017-2618 “Simulating EU-Eurasian Economic Union Negotiations to Encourage Transnational Active Learning and Civil Dialogue” («Симуляция переговоров между ЕС и ЕАЭС для улучшения транснационального активного обучения и гражданского диалога»).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

Отношения России со многими государствами, в первую очередь странами Европы, находятся сейчас в глубоком кризисе. Проблемы в отношениях Россия — Запад затронули и Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Попытки руководства Евразийской экономической комиссии наладить полноценный диалог с Европейским союзом (ЕС) не находят достаточного отклика у европейских партнеров. ЕС продолжает рассматривать ЕАЭС как проект, контролируемый Москвой.

В таком контексте целесообразность организации симуляции маловероятных в ближайшие годы переговоров ЕС — ЕАЭС требует пояснения. Несмотря на кризис в отношениях Европейского союза и ключевого государства ЕАЭС — России, для подавляющего большинства стран — членов ЕАЭС европейское направление остается одним из основных в сфере торговли и гуманитарного обмена. Страны ЕАЭС, в свою очередь, также обладают определенной значимостью для европейских партнеров.

Конфликт не может длиться вечно, а страны, заинтересованные в развитии отношений по обоим направлениям, не готовы выбирать одно из них в ущерб другому. Рано или поздно сторонам придется восстанавливать разрушенное доверие. Проще будет делать это при наличии определенной базы, сформированной заинтересованными в сотрудничестве представителями бизнеса и третьего сектора. Академические институты, чья основная задача заключается в формировании и распространении знания, занимают в этом процессе особое место.

В настоящей статье рассматривается опыт моделирования переговоров между ЕС и ЕАЭС, реализуемого в рамках проекта Центра превосходства Жана Монне в Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ) под руководством доцента Т. А. Романовой. Основная цель статьи — оценка моделирования переговоров ЕС — ЕАЭС как уникального по своей сложности учебного формата, основывающегося вместе с тем на давно используемых в России и за рубежом методиках, а также выработка рекомендаций по эффективной организации подобных мероприятий.

В первой части статьи охарактеризованы имеющиеся в литературе взгляды на значимость моделирования работы политических институтов и организаций. Во второй части проанализированы опыт СПбГУ и отличия модели переговоров ЕС — ЕАЭС, вынесенной в заголовок статьи, от других подобных проектов. В третьей части рассмотрена специфика подготовки моделирования переговоров ЕС — ЕАЭС, выработки соответствующих материалов. Четвертая часть посвящена оценке практической реализации модели ЕС — ЕАЭС в 2019 г. В заключении сформулированы рекомендации по моделированию.

Зачем моделировать?

Модели возникли при участии ООН еще в 1950-е годы и проходили как молодежные социализирующие игры в разных странах мира, включая СССР. Во многом изучение моделирования социальных процессов основывалось на теоретическом наследии изучения животного мира [1; 2], а политическое моделирование — на исследованиях по поведенческой психологии [3; 4]. К достоинствам и недостаткам моделирования как метода изучения и организации «погружения в среду» можно

относиться по-разному. Вместе с тем, обобщив значительное количество исследований первой половины XX в., С. Верба указывает на особую значимость моделирования для «развития макрополитической действительности» [5]. В 1960-е годы моделирующие тренинги приходят в медицину, а затем покоряют все направления образования.

Причин у такой популярности несколько. Во-первых, моделирование способствует более эффективному учебному процессу — овладению учебным материалом и навыками. Введение этой методики созвучно идее Болонского процесса о переходе от обучения к учению (*shift from teaching to learning*) [6–8]. Примечательно, что все страны ЕС и ЕАЭС, за исключением Киргизии, принимают участие в Болонском процессе. Значимость моделирования в деле изучения функционирования таких объединений, как ЕС, объясняется также сложностью и многообразием последних [6; 9; 10]. Ролевая игра развивает навыки коммуникации, анализа, критического мышления, работы в группе и публичного выступления, учит студентов мотивированно представлять и отстаивать свою точку зрения, но также прислушиваться к чужой [6; 9; 11–19]. Ценность моделирования еще более возрастает, когда речь заходит о взаимодействии таких разных во многих аспектах объединений, как ЕС и ЕАЭС.

Во-вторых, ряд авторов считают, что моделирование обладает социальной полезностью. Одной из задач становится содействие формированию у участников навыков гражданской активности и диалога. Кроме того, моделирование способствует социализации участников [10; 11; 18]. В нашем случае сам факт встречи и обсуждения участников из многих стран вкупе с разделением участников на разные игровые стороны представляется важным как таковой. Моделирование может быть полезным для повышения гражданской активности участников [20]. Разумеется, наша симуляция не имела целью оказать на них какое-либо идеологическое влияние. Развитие способности участников как активных граждан может помочь преодолеть проблему политической пассивности, распространенную во многих странах.

В-третьих, моделирование может способствовать научным исследованиям [6; 13–16; 21]. Это касается как дидактики, так и экономики и политической науки [6]. В последнем случае речь идет, например, об использовании моделирования как методики «квазиэксперимента» [6; 14]. В политической науке построение квазиэкспериментов нередко подвергалось критике с этической и собственно организационной точек зрения [11], что не помешало, впрочем, путем проб и ошибок прийти к тезису в духе конструктивизма о том, что моделирование уже ценно само по себе как «процесс, в котором обучающиеся порождают новые смыслы и постигают собственное представление о знании» [22].

Петербургский опыт моделей

Наследуя лучшие традиции Московской модели ООН, проводимой на базе МГИМО, в 2004 г. в стенах СПбГУ прошла первая конференция с учебно-методической направленностью «Модель ООН». С первого же года ролевая игра сделала заявку на статус второй по численности в России. В 2007 г. СПбГУ стал первопроходцем, сформировав проект по Европейскому союзу. По аналогии с Моделью ООН

здесь были обобщены и модифицированы лучшие традиции и правила симулирования политики ЕС, применявшиеся в разные годы в Гарварде и Колледже Европы. Оригинальный сценарий привлек внимание и интерес сотен студентов из различных вузов России и еще двадцати стран мира.

В 2014 г. у организаторов ролевых игр возникла идея запустить проект «Модель Евразийского экономического союза (ЕАЭС)», целью которого являются популяризация и сравнение принципов принятия решений в ООН, ЕС и ЕАЭС. Столь масштабное моделирование органов ЕАЭС пока уникально в России и в мире. А затем в связи с упрочением позиций ЕАЭС, актуальностью установления и углубления его отношений с ЕС было принято решение создать симуляцию переговоров ЕС — ЕАЭС.

В 2017 г. модель переговоров ЕС — ЕАЭС проводилась в тестовом режиме, затрагивая лишь взаимодействие старших должностных лиц. С 2018 г. масштабы моделирования серьезно возросли. В качестве основной цели была обозначена выработка углубленного торгового соглашения между двумя объединениями. Модель торговых переговоров ЕС — ЕАЭС, очевидно, уникальна. Во-первых, ее отличает высокая сложность моделируемых процессов: в игре фактически имитируется работа двух объединений, вступающих друг с другом в переговоры по технически сложному и разнообразному предмету. При этом каждое из объединений представлено в игре несколькими институтами. Во-вторых, между ЕС и ЕАЭС на современном этапе отсутствуют официальные отношения. Контакты сводятся к ограниченному взаимодействию на техническом и экспертном уровнях. Это означает, что мы не столько моделируем реальный процесс, сколько заглядываем в будущее, тем самым изучая возможности установления полноценных контактов между двумя структурами. Моделирование приобретает не только учебные, но и исследовательские и прогностические функции.

Подготовка моделирования переговоров ЕС — ЕАЭС

Ключевой задачей подготовительного этапа моделирования является разработка правил. При этом авторы вынуждены балансировать между стремлением соблюсти достоверность и необходимостью обеспечить управляемость процесса. Иными словами, неизбежны упрощение и стандартизация, однако они не должны превращать модель в нечто полностью умозрительное и оторванное от реальной практики.

В соответствии с этими задачами был подготовлен 34-страничный документ, содержащий правила моделирования [23]. В первой его части даются рекомендации по подготовке участников и правилам поведения, описываются процедурные вопросы. Следующая часть посвящена краткому описанию роли каждого из моделируемых институтов, а также правилам их взаимодействия в каждый из дней моделирования в соответствии с программой.

На модели 2019 г. ЕС представляли Совет (министры и постоянные представители), Европейская комиссия (комиссары и генеральные директора) и Европейский парламент. ЕАЭС был представлен Высшим Евразийским экономическим советом, Советом и Коллегией Евразийской экономической комиссии, а также национальными парламентами стран-участниц. Отбор институтов представляет

собой непростую задачу, поскольку с каждой из сторон в углубленных торговых переговорах участвует большое количество акторов, состав которых и полномочия в ЕС и ЕАЭС отличаются. Главная причина отличий заключается в том, что в Европейском союзе общую торговую политику осуществляет наднациональный институт — Европейская комиссия. Евразийский экономический союз в вопросах торговли и экономического сотрудничества продолжает тяготеть к межправительственному подходу¹.

В соответствии с существующей в ЕС практикой основные институты, участвующие в переговорах по торговым соглашениям, — это Европейская комиссия, Совет ЕС и Европейский парламент. *Европейская комиссия* отвечает за изучение целесообразности начала переговоров, формирует переговорную делегацию, проводит сами переговоры в соответствии с полученной от Совета ЕС директивой, информируя Совет ЕС и Европейский парламент о результатах каждого раунда. *Совет ЕС* принимает решение о начале переговоров, утверждает переговорную директиву, принимает решение о подписании соглашения, направляет подписанный текст Соглашения в Европейский парламент для прохождения процедуры ратификации (consent). Если соглашение является чисто торговым, ратификации парламентом достаточно. Если оно является смешанным (mixed agreement), необходима также ратификация со стороны стран-членов в соответствии с их национальными процедурами [24]. В целом программа модели 2019 г. следует указанной процедуре, но с некоторыми оговорками — например, было решено отказаться от формирования отдельного Комитета по торговой политике (Trade Policy Committee) при Совете ЕС. Также по понятным причинам было решено не включать в число моделируемых институтов национальные парламенты стран — членов ЕС.

Ситуация с Евразийским экономическим союзом, помимо преобладания межправительственного подхода, отличается и тем, что процедура участия данного объединения в торговых переговорах находится в процессе становления. Практика ведения торговых переговоров отрабатывалась ЕАЭС на материале торгово-экономических переговоров с Вьетнамом (соглашение подписано в мае 2015 г.), Ираном (временное соглашение подписано в мае 2018 г.), Китаем (соглашение подписано в мае 2018 г.). В результате был подготовлен общий документ, регулирующий процедуру заключения ЕАЭС международных соглашений. В мае 2018 г. соответствующее соглашение [25] было подписано странами-участниками, однако процесс ратификации занял продолжительное время. В правилах и программе моделирования 2019 г. указанное соглашение учитывалось. В нашей модели ключевыми институтами со стороны ЕАЭС являются Высший совет и Евразийская комиссия. Первый принимает решение о начале переговоров, одобряет проект соглашения, санкционирует его подписание. На базе ЕЭК формируется переговорная делегация, состоящая из национальных представителей и чиновников Коллегии ЕЭК. Руководитель сводной делегации по итогам каждого раунда переговоров направляет государствам-членам отчет о ходе переговоров. Подписание договора происходит после прохождения внутригосударственных процедур в каждой из стран — участниц ЕАЭС. Внутригосударственные процедуры, как правило, включают участие парламентов. В самом

¹ Межправительственный подход, или intergovernmentalism, означает слабость наднациональных институтов в интеграционном объединении и принятие всех принципиальных решений странами-членами.

ЕАЭС отсутствует единая межгосударственная парламентская структура, поэтому для целей моделирования (прежде всего исходя из необходимости уравновесить работу в модели Европейского парламента) в игру были введены делегации парламентов государств — членов ЕАЭС. Их задачей было обсуждение проекта соглашения ЕС — ЕАЭС в момент его представления Высшему совету.

Правилами модели было предусмотрено участие журналистов. Для них предполагалось формирование пресс-центра. Роли и процедура участия журналистов были подробно прописаны в документе. Например, им был открыт доступ не на все заседания модели.

Следующие два документа, разработанные до начала игры, — это *Задачи* [26] и *Программа* [27] моделирования. Основная задача модели — подготовка углубленного Соглашения о свободной торговле, включающего не только торговлю товарами, но и связанные с ней вопросы, касающиеся движения услуг и капитала. Соответственно переговорные делегации ЕС и ЕАЭС делятся на группы, каждая из которых работает отдельно по одному из трех предложенных треков. На переговоры по направлению дается три раунда, после чего на общем заседании делегаций (от ЕС и от ЕАЭС) результаты переговоров по трем трекам обобщаются в черновом варианте соглашения.

Согласно программе, заседания институтов и переговорных групп заканчиваются принятием того или иного документа оговоренного объема. Кроме того, участники модели получают список полезной для подготовки литературы, а с ноября 2018 г. по март 2019 г. для них было организовано несколько тренингов по процедуре переговоров и правилам.

Проведение модели ЕС — ЕАЭС в 2019 г.

В игре приняли участие более 150 российских и зарубежных студентов. Распределение ролей по странам происходило на основе присланных тезисов, пожеланий и профессиональных знаний, а также опыта участия в других деловых играх. Основные переговоры между комиссиями и советами, а также внутри них проходили на базе СПбГУ, тогда как Европейский парламент и национальные парламенты государств ЕАЭС заседали дистанционно с привлечением студентов из Томского, Пермского и Казанского университетов, а также университетов Лювена (Бельгия), Тампере (Финляндия) и Карлтона (Канада).

Первая переговорная группа обсуждала вопросы, связанные с устранением тарифных барьеров во взаимной торговле *товарами*, а также различных нетарифных барьеров (стандарты качества, особенности законодательства каждой из сторон и др.). *Группа по услугам* рассматривала либерализацию правил, регулирующих оказание услуг и создание компаний, оказывающих трансграничные услуги, обсуждала вопрос о том, в какой степени защита общественных интересов может ограничивать свободное движение услуг, и т. д. *Группа по капиталу* провела переговоры о взаимной либерализации инвестиций, приобретения акций, платежей, переводов, кредитов, использования дебетовых и сберегательных счетов, а также сделок с недвижимостью. Делегаты советов и парламентов фокусировались на политических аспектах и с их учетом рассматривали тексты комиссий по либерализации товаров, услуг и капитала.

О работе комиссий. С самого начала обозначились существенные разногласия в позициях ключевых игроков, связанные с проблемой обмена санкциями между Россией и ЕС. Некоторые государства — члены ЕАЭС буквально настаивали на снятии или ослаблении санкций в отношении России, что заставляло представителей европейской стороны проявлять все свое дипломатическое мастерство, и в итоге стороны пришли к обоюдному согласию, что санкции против России не должны препятствовать подписанию соглашения и должны рассматриваться отдельно от него. Было решено, что через пять лет реализации соглашения будет создана отдельная комиссия по санкциям для пересмотра ограничений и рестрикций в отношении России. Тем не менее на обсуждение этого вопроса было потрачено два дня. В итоге Совет по рекомендации представителей Европейского парламента согласился с тем, что вопрос санкций не должен влиять на сам факт инициации переговоров и должен быть рассмотрен отдельно от всего ЕАЭС. Таким образом, переговоры с ЕАЭС были запущены, а по итогам было подписано Соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ) между ЕС и ЕАЭС.

Уже в первый день работы модели переговорные группы сумели представить документы, например Европейская комиссия по результатам первого дня заседания передала Совету документ по свободному передвижению товаров.

Переговоры второго дня проходили в несколько раундов, в ходе которых удалось договориться лишь о нескольких положениях: пересмотреть тарифы на сельскохозяйственную продукцию, полностью устранить тарифы на промышленную продукцию, высокие технологии, а также создать специальную комиссию для определения общих стандартов качества продуктов.

Во время второго раунда особое внимание уделялось вопросу снижения тарифов на нефть, газ и другие полезные ископаемые. Самым обсуждаемым положением в проектном договоре стал вопрос о введении «квотирования цен на нефть и газ для стран ЕАЭС».

Над итоговой резолюцией ЕАЭС работали пять президентов и парламентарии стран, был принят главный документ заседания — Декларация о дальнейшем углублении интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. В документе четко обозначены приоритетные направления, которые могут привести к повышению эффективности работы ЕАЭС.

В целом переговоры оказались успешными. Обе стороны четко придерживались формата и регламента переговоров. Некоторые сложности возникали в части, касающейся снижения тарифов и таможенных пошлин, а также процесса создания единых технических стандартов. Помимо этого, в ходе переговоров выяснилось, что европейским коллегам было дано указание избегать обсуждения вопросов, так или иначе связанных с санкциями. Во многом из-за этого пункт о сельскохозяйственных товарах получился по большому счету декларативным, хотя делегация ЕАЭС готова была обсудить возможные перспективы ослабления ответных санкций со стороны России по линии продовольствия. После консультаций удалось добиться финального заключения по тарифам — изначально по этому пункту в переговорах наблюдался наименьший прогресс. Также сторонам пришлось прибегнуть к методике кулуарных переговоров, где в неформальной обстановке они сумели значительно сократить объем противоречий. Можно подытожить, что стороны смогли достичь ряда существенных договоренностей в областях, не затро-

нутых санкционным режимом. Некоторые вопросы, требующие более подробного изучения, в рамках договора должны будут рассматриваться во вновь созданных специализированных структурах: Объединенном комитете по вопросам снижения тарифов и Специальной комиссии по гармонизации технических стандартов.

Заключенный на модели Договор о свободной торговле между ЕС и ЕАЭС получил скорее декларацией о намерениях. По мнению участников игры, все дальнейшие шаги по созданию ЗСТ будут возможны в случае отмены санкций и улучшения отношений между ЕС и РФ, ключевой страной в ЕАЭС. Такой сценарий наиболее приближен к реальности. В настоящий момент переговоры ЕС и ЕАЭС о зоне свободной торговли не выглядят потенциально возможными.

В ходе модели 2019 г. не удалось избежать традиционного для симуляционных игр негативного аспекта — игнорирования действительного политического и международного положения. Вместе с тем сама по себе модель переговоров ЕС — ЕАЭС олицетворяет стремление нового поколения к взаимодействию и сотрудничеству даже в условиях конфликта. Мероприятие имеет позитивное информационное значение и способно повлиять на оценку перспектив взаимоотношений России и ЕС. С этой точки зрения, бесспорно, отстраненность модели от реальной политики полезна. Однако если участники не учитывают интересы стран и организаций, которые они представляют в игровом процессе, это может привести к созданию формата, далекого от современной реальности и вряд ли осуществимого на практике.

Вместо заключения

Исходя из нашего опыта, мы разработали следующие методические рекомендации, касающиеся принципов организации и реализации различных моделей.

- *Институциональная организация.* Организаторы моделировали работу всех институтов ЕС и ЕАЭС, ключевых для темы переговоров по зоне свободной торговли. В то же время любое моделирование должно найти баланс между сохранением некоторых черт реальности и неизбежным ее упрощением. Баланс зависит от целей моделирования [11; 6; 10]. Масштаб моделируемых институтов должен быть уменьшен, а процедуры и / или структуры упрощены [9; 18; 10]. Техническим упрощением стало дистанционное участие некоторых учреждений в модели. Организаторы ограничили онлайн-участие конкретными временными интервалами, а остальная часть работы была выполнена в автономном режиме местными участниками.
- *Упрощение для целей моделирования.* Упрощение касается не только институтов, но и других аспектов. Участники не должны быть перегружены всеми техническими подробностями, которые может включать тема моделирования [14]. Организация и содержательная сторона должны быть особенно продуманными, если симуляция короткая (как в нашем случае) и не является частью длительного курса. Чтобы технически не удлиннять модель переводом, необходимо использовать только один язык.
- *Подготовка участников.* Участники получают подготовительные материалы и задания перед симуляцией, что соответствует мировому опыту [9–11; 15; 17]. Участники должны обладать информацией о реальном положении дел отдельных государств или учреждений в данных объединениях; опре-

делиться с позицией, которую они отстаивают — национальную или над-национальную. Участники должны знать подробные правила и роли. В то же время объем материалов для подготовки не должен быть чрезмерным. Кроме того, при моделировании, в которое вовлечены участники из разных стран, крайне значимо разъяснять им важность коммуникации за пределами их «национальных» групп. Участникам необходимо не только предложить письменные подготовительные материалы, но и создать возможность «отрепетировать» процедурные моменты перед симуляцией, что позволяет опробовать переговорные навыки [15].

- *Постановка задач для участников ролевых игр.* Задачи должны быть конкретными с точки зрения того, что должны выполнять участники на каждом этапе. Учитывая это, в раздаточных материалах мы специально описали то, какие документы (решения, директивы, позиции и т.д.) должны быть подготовлены на каждом заседании, а также их объем.
- *Предоставление примеров документов.* Как показал опыт проведения модели в 2018 г., участники не обладают достаточными знаниями о структуре различных официальных документов. Поэтому представляется целесообразным предоставить им образцы или ссылки на них [15]. При проведении модели в 2019 г. шаблоны документов были подготовлены.
- *Использование электронных платформ.* Платформы могут быть полезным инструментом проведения и анализа результатов игры [10]. Мы предлагали участникам платформу для размещения в установленном порядке документов, принимаемых в ходе игры. После симуляции платформа позволяет организаторам собрать и проанализировать документы.
- *Назначение на должности.* Особо значимы роли председателей — от них прежде всего зависит работа моделируемых структур, коммуникация между ними, а также успех всей модели. Участники, отбираемые на эти должности, должны быть в состоянии обеспечить необходимую мотивацию, иметь опыт и дисциплину при моделировании, а также обладать отличными знаниями процедур и способностью реагировать на непредвиденное развитие событий [18].
- *Следование сценарию и самоорганизация участников.* Участникам следует разъяснить важность соблюдения сценария и ролей. В то же время мы присоединяемся к практически единодушному мнению, что основная ответственность за симуляцию принадлежит участникам [6; 10; 11; 15; 17; 18]. В соответствии с современными подходами к преподаванию роль инструктора должна смещаться «от мудреца на сцене к гиду в стороне» [6]. Сценарий и роли должны быть сформулированы достаточно широко, чтобы участники могли творчески выстроить свой переговорный процесс, возможно с элементами «неожиданного» [18]. Вполне естественно, что процесс будет сложным, а иногда и неоптимальным при моделировании сложных переговоров. Участники часто обращаются к инструкторам за предметными советами, но искушению чрезмерного вмешательства в симуляцию следует сопротивляться. График игры должен соблюдаться строго и независимо от существенного прогресса переговоров, а также увлеченности участников игрой. После моделирования с участниками должны обсуждаться случаи их

«деструктивных» отклонений от сценария и ролей, и эти нарушения должны учитываться при оценке эффективности участников.

- *Оценка эффективности участников.* Они должны оцениваться исходя из целей моделирования. Мы предлагаем следующие инструменты оценки: 1) оценка различных подготовленных текстов; 2) наблюдение во время моделирования; 3) разбор моделирования по его окончании; 4) отзывы участников; 5) тесты до и после моделирования; 6) выдача сертификатов только тем участникам, кто присутствовал на протяжении 70 % игрового времени.
- *Язык.* При наличии ресурсов, языковые навыки должны предварительно оцениваться (с помощью заданий или с учетом языковых сертификатов участников). В то же время следует поощрять участников чрезмерно не опасающихся языковых ошибок.

Итак, моделирование как инновационный образовательный формат имеет высокий потенциал. Реализация этого потенциала зависит от грамотной подготовки и реализации, и мы надеемся, что наш опыт в этом плане окажется востребованным.

Литература

1. Tolman E. Cognitive maps in rats and men // *Psychological Review*. 1948. Vol. 55, no. 4. P. 189–208.
2. Кропоткин П. Взаимопомощь среди животных и людей. Минск: Белорусская энциклопедия, 2006. 162 с.
3. Thorndike E. L. The elements of psychology. New York: A. G. Seiler, 1905. xix, 351 p.
4. Watson J. Psychology as the Behaviorist Views it // *Psychological Review*. 1913. Vol. 20, no. 2. P. 158–177.
5. Verba S. Simulation, Reality, and Theory in International Relations // *World Politics*. 1964. Vol. 16, no. 3. P. 490–519.
6. Guasti P., Muno W., Niemann A. Introduction — EU simulations as a multi-dimensional resource: from teaching and learning tool to research instrument // *European Political Science*. 2015. Vol. 14, no. 3. P. 205–217.
7. Baroncelli S., Farneti R., Horga I., Vanhoonacker S. (eds.) Teaching and Learning the European Union: Traditional and Innovative Methods. Dordrecht, the Netherlands: Springer Science+Business Media, 2014. VIII, 248 p.
8. Lightfoot S., Maurer H. Introduction: Teaching European studies — Old and new tools for student engagement // *European Political Science*. 2014. Vol. 13, no. 1. P. 1–3.
9. Elias A. Simulating the European Union: Reflections on Module design // *International Studies Perspectives*. 2014. Vol. 15, no. 4. P. 407–422.
10. Kröger S. Realising the potential of EU simulations — practical guidance for beginners // *European Political Science*. 2018. Vol. 17, no. 1. P. 161–175.
11. Brunazzo M., Settembri P. Teaching the European Union: a Simulation of Council's Negotiations // *European political science*. 2015. Vol. 14, no. 1. P. 1–14.
12. Dorn D. Simulation Games: One More Tool on the Pedagogical Shelf // *Teaching Sociology*. 1989. Vol. 17, no. 1. P. 1–18.
13. Fink S. 36 different chocolate directives: how does the setting influence negotiation outcomes in an EU simulation? // *European Political Science*. 2015. Vol. 14, no. 3. P. 241–253.
14. Gasteringer M. Play it again, Sam! Teaching transferable skills through multiple repetitions of 'simple' simulations (with research benefits) // *European Political Science*. 2017. Vol. 16, no. 2. P. 233–245.
15. Jones R., Bursens P. Assessing EU Simulations: Evidence from the Trans-Atlantic EuroSim // Baroncelli S., Farneti R., Horga I., Vanhoonacker S. (eds.) Teaching and Learning the European Union: Traditional and Innovative Methods. Dordrecht, the Netherlands: Springer Science+Business Media, 2014. P. 157–185.
16. Jones R., Bursens P. The effects of active learning environments: How simulations trigger affective learning // *European Political Science*. 2015. Vol. 14, no. 3. P. 254–265.

17. Jozwiak J. 'Vegetate' and Greece: Teaching the EU through simulations // *European Political Science*. 2013. Vol. 12, no. 2. P. 215–230.
18. Kaunert C. The European Union Simulation: From Problem-Based Learning (PBL) to Student Interest // *European Political Science*. 2009. Vol. 8, no. 2. P. 254–265.
19. Van Dyke G. J., DeClair E. G., Loedel P. H. Stimulating simulations: Making the European Union a classroom reality // *International Studies Perspectives*. 2000. Vol. 1, no. 2. P. 145–159.
20. Van Dyke G. J. Educating for EU Citizenship and Civic Engagement Through Active Learning // Baroncelli S., Farneti R., Horga I., Vanhoonacker S. (eds.). *Teaching and Learning the European Union: Traditional and Innovative Methods*. Dordrecht, the Netherlands: Springer Science+Business Media, 2014. P. 39–53.
21. Rünz P. Beyond teaching: measuring the effect of EU simulations on European identity and support of the EU // *European Political Science*. 2015. Vol. 14, no. 3. P. 266–278.
22. Vermetten Y. J., Vermunt J. D., Lodewijks H. G. Powerful learning environments? How university students differ in their response to instructional measures // *Learning and Instruction*. 2002. Vol. 12, no. 3. P. 263–284.
23. Rules and Roles Description of the Role-Play Simulation. URL: <http://model2019.euactive.ru/2019/rules/rules2019.pdf> (дата обращения: 13.04.2019).
24. Negotiating EU trade agreements. Who does what and how we reach a final deal. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2012/june/tradoc_149616.pdf (дата обращения: 13.04.2019).
25. Соглашение «О международных договорах Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями». Сочи, 14 мая 2018 г. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/18bn0029> (дата обращения: 13.04.2019).
26. Preliminary Simulation Tasks. URL: <http://model2019.euactive.ru/2019/agenda/drafttasks2019.pdf> (дата обращения: 13.04.2019).
27. Preliminary Programme 2019. URL: <http://model2019.euactive.ru/2019/programm/index.shtml> (дата обращения: 13.04.2019).

Статья поступила в редакцию 1 сентября 2019 г.

Статья рекомендована в печать 3 октября 2019 г.

Контактная информация:

Гудалов Николай Николаевич — канд. полит. наук, доц.; n.gudalov@spbu.ru

Трещенков Евгений Юрьевич — канд. ист. наук, доц.; e.treshchenkov@spbu.ru

Леви Дмитрий Андреевич — канд. полит. наук, доц.; d.levi@spbu.ru

Немчинова Тамара Сергеевна — канд. полит. наук, доц.; t.nemchinova@spbu.ru

Лагутина Мария Львовна — д-р полит. наук, доц.; m.lagutina@spbu.ru

Conferences on political modeling: Simulating European Union — Eurasian Economic Union negotiations*

N. N. Gudalov, E. Yu. Treshchenkov, D. A. Levi,
T. S. Nemchinova, M. L. Lagutina

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Gudalov N. N., Treshchenkov E. Yu., Levi D. A., Nemchinova T. S., Lagutina M. L. Conferences on political modeling: Simulating European Union — Eurasian Economic Union negotiations. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2019, vol. 12, issue 4, pp. 518–530. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.408> (In Russian)

* The article is prepared based on the results of the J. Monnet grant (project) № 2017–2018 “Simulating EU-Eurasian Economic Union Negotiations to Encourage Transnational Active Learning and Civil Dialogue”.

The article deals with the experience of modeling (simulating) trade negotiations between the European Union (EU) and the Eurasian Economic Union (EAEU), conducted with the support of the J. Monnet project at the St. Petersburg University (SPbU). The authors analyze views on the strengths and limitations of modeling, which exist in academic literature. SPbU's experience of modeling the United Nations and the European Union is examined in the article. One of the distinguishing features of the EU-EAEU simulation was its high degree of complexity in thematic and institutional respects. The task of this model was to draw up a deep free trade agreement including not only trade in goods, but also related issues concerning services and capital movement. The organizers' approach to elaborating the model's rules is explained in detail and the preparation of specific game materials is recounted. A detailed rulebook contained featured recommendations on participant preparation and rules of behavior, and described procedural questions, the role of the simulated institutions and their interaction during each of the game's days, in accordance with the program. Also, a description of the simulation's task, the game's program and a list of literature useful for the participants were prepared; and trainings before the game were conducted. Furthermore, the article analyses the simulation's course with regard to the entry list, logistics, problems that emerged during the negotiations, and participant successes and failures. The authors thought it fruitful to end the article not with a traditional conclusion, but with detailed methodological guidelines on organizing and conducting models, based on the organizers' experience of this game and taking into account practices existing in the world.

Keywords: pedagogy, simulation game, political simulation modeling, negotiation skills, EU — EAEU model.

References

1. Tolman, E. (1948), Cognitive maps in rats and men. *Psychological Review*, no. 55 (4), pp. 189–208.
2. Kropotkin, P. (2006), *Mutual Assistance Among Animals and People*. Belorusskaia entsiklopediia Publ., Minsk. (In Russian)
3. Thorndike, E. L. (1905), *The elements of psychology*. NY, A. G. Seiler, New York.
4. Watson, J. (1913), Psychology as the Behaviorist Views it. *Psychological Review*, no. 20 (2), pp. 158–177.
5. Verba, S. (1964), Simulation, Reality, and Theory in International Relations. *World Politics*, no. 16 (3), pp. 490–519.
6. Guasti, P., Muno, W. and Niemann, A. (2015), Introduction — EU simulations as a multi-dimensional resource: from teaching and learning tool to research instrument. *European Political Science*, no. 14 (3), pp. 205–217.
7. *Teaching and Learning the European Union: Traditional and Innovative Methods* (2014), eds S. Baroncelli, R. Farneti, I. Horga and S. Vanhoonacker. Dordrecht, the Netherlands, Springer Science+Business Media.
8. Lightfoot, S., Maurer, H. (2014), Introduction: Teaching European studies — Old and new tools for student engagement. *European Political Science*, no. 13 (1), pp. 1–3.
9. Elias, A. (2014), Simulating the European Union: Reflections on Module design. *International Studies Perspectives*, no. 15 (4), pp. 407–422.
10. Kröger, S. (2018), Realising the potential of EU simulations — practical guidance for beginners. *European Political Science*, no. 17 (1), pp. 161–175.
11. Brunazzo, M. and Settembri, P. (2015), Teaching the European Union: a Simulation of Council's Negotiations. *European political science*, no. 14 (1), pp. 1–14.
12. Dorn, D. (1989), Simulation Games: One More Tool on the Pedagogical Shelf. *Teaching Sociology*, no. 17 (1), pp. 1–18.
13. Fink, S. (2015), 36 different chocolate directives: how does the setting influence negotiation outcomes in an EU simulation? *European Political Science*, no. 14 (3), pp. 241–253.
14. Gastinger, M. (2017), Play it again, Sam! Teaching transferable skills through multiple repetitions of 'simple' simulations (with research benefits). *European Political Science*, no. 16 (2), pp. 233–245.
15. Jones, R., Bursens, P. (2014), Assessing EU Simulations: Evidence from the Trans-Atlantic Euro-Sim. *Teaching and Learning the European Union: Traditional and Innovative Methods*, Baroncelli S., Far-

neti R., Horga I. and Vanhoonacker S. (eds). Dordrecht, the Netherlands, Springer Science+Business Media, pp. 157–185.

16. Jones, R., Bursens, P. (2015), The effects of active learning environments: How simulations trigger affective learning. *European Political Science*, no. 14 (3), pp. 254–265.

17. Jozwiak, J. (2013), 'Vegetate' and Greece: Teaching the EU through simulations. *European Political Science*, no. 12 (2), pp. 215–230.

18. Kaunert, C. (2009), The European Union Simulation: From Problem-Based Learning (PBL) to Student Interest. *European Political Science*, no. 8 (2), pp. 254–265.

19. Van Dyke, G. J., DeClair, E. G., Loedel, P. H. (2000), Stimulating simulations: Making the European Union a classroom reality. *International Studies Perspectives*, no. 1 (2), pp. 145–159.

20. Van Dyke, G. J. (2014), Educating for EU Citizenship and Civic Engagement Through Active Learning. *Teaching and Learning the European Union: Traditional and Innovative Methods*, Baroncelli S., Farneti R., Horga I. and Vanhoonacker S. (eds). Dordrecht, the Netherlands, Springer Science+Business Media, pp. 39–53.

21. Rünz, P. (2015), Beyond teaching: measuring the effect of EU simulations on European identity and support of the EU. *European Political Science*, no. 14 (3), pp. 266–278.

22. Vermetten, Y. J., Vermunt, J. D., Lodewijks, H. G. (2002), Powerful learning environments? How university students differ in their response to instructional measures. *Learning and Instruction*, no. 12 (3), pp. 263–284.

23. Rules and Roles Description of the Role-Play Simulation, available at: <http://model2019.euactive.ru/2019/rules/rules2019.pdf> (accessed: 13.04.2019).

24. Negotiating EU trade agreements. Who does what and how we reach a final deal, available at: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2012/june/tradoc_149616.pdf (accessed: 13.04.2019).

25. Agreement "On the Eurasian Economic Union's International Treaties with Third Countries, International Organizations or International Integration Associations". Sochi, 14.05.2018, available at: <https://www.alta.ru/tamdoc/18bn0029/> (accessed: 13.04.2019). (In Russian)

26. Preliminary Simulation Tasks, available at: <http://model2019.euactive.ru/2019/agenda/draft-tasks2019.pdf> (accessed: 13.04.2019).

27. Preliminary Programme 2019, available at: <http://model2019.euactive.ru/2019/programm/index.shtml> (accessed: 13.04.2019).

Received: September 1, 2019

Accepted: October 3, 2019

Authors' information:

Nikolay N. Gudalov — PhD in Political Science, Associate Professor; n.gudalov@spbu.ru

Evgenii Yu. Treshchenkov — PhD in History, Associate Professor; e.treshchenkov@spbu.ru

Dmitrii A. Levi — PhD in Political Science, Associate Professor; d.levi@spbu.ru

Tamara S. Nemchinova — PhD in Political Science, Associate Professor; t.nemchinova@spbu.ru

Mariia L. Lagutina — Dr. of Political Science, Associate Professor; m.lagutina@spbu.ru